

МУЗЫКОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОВОЛЖЬЯ В 1939-1945 гг.

© 2013 О.В. Тузова

Самарский государственный технический университет

Поступила в редакцию 03.09.2013

В данной статье на примере моделей музыкально-культурной системы Поволжья рассматриваются основные проблемы и состояние музыковедения в региональном контексте в период Второй мировой войны 1939-1945 гг.

Ключевые слова: Вторая мировая война, региональная культура, музыкально-культурная система, музыковедение, музыкальная критика, этнография, Поволжье.

Комплексная история отечественного музыкознания, в том числе в региональном контексте, относится к недостаточно изученным научным областям. Между тем реконструкция его состояния дает возможность полноценного воссоздания моделей музыкально-культурной системы (далее – МКС). Музыковедческий компонент МКС обладает собственной структурой и формами реализации. В Поволжье в период Второй мировой войны в различной мере представлены основные разделы музыкознания: теория, история музыки, музыкальная этнография, критика. Отметим, что границы объекта исследования не совпадают полностью с географическими рамками, так как в аналитическую часть привлекаются вопросы деятельности как локальных и эвакуированных субъектов, так и музыковедов инолокальных, но затрагивающих региональную проблематику.

Одним из важнейших музыковедческих направлений в региональных моделях явилась этнография. Сбором и обработкой эмпирического материала занимались постоянные и временные институты, отдельные специалисты. Для этих целей создавали кабинеты музыкального фольклора. По данным за 1939 г., на республиканском уровне обсуждалась перспектива организации кабинетов во всех краях, областях и автономных республиках¹. В Поволжье они функционировали в Казанской и Куйбышевской моделях; в Ульяновской, Пензенской, Саратовской и Энгельсской аналоги в рамках 1939-1945 гг. не обнаружены.

В Казанской модели планомерная научно-исследовательская деятельность кабинета музыкального фольклора (открыт в мае 1937 г.) проводилась с 1938 г. В результате сбора от местных знатоков старинной песни – Г. Мусина, М. Юсупова, М. Зиганшина и от участников II-й

республиканской Олимпиады народного творчества из разных районов Татарской АССР, за 2 года на фонограф записали свыше 400 песен. В 1940 г. кабинет перешел от стационарной работы к периодическим экспедициям: в Актанышский район, в Западную Сибирь совместно с Институтом языка и литературы, что позволило выпустить новый сборник татарского музыкального фольклора, превосходивший по качеству и количеству предыдущий. В 1941 г. предполагались выезды для записи народного творчества рабочих и большая экспедиция в отдаленные районы республики совместно с фольклорной секцией АН СССР². В феврале 1942 г. Управление по делам искусств при СНК Татарской АССР организовало экспедицию под руководством директора кабинета композитора А.С. Ключарева по изучению песен, созданных во время Великой Отечественной войны³. В 1944 г. Дом народного творчества совместно с филармонией, Союзом писателей и Союзом композиторов организовали Куйбышевский кабинет фольклора. Его сотрудники записывали в Ново-Девичьем районе частушки, в Богатовском – народные песни⁴. Особое внимание посвящали творчеству народов Поволжья: татар, чувашей и т.д. Для участия в съемке танцев, плясок, обрядов и нарядов привлекали Куйбышевскую студию кинохроники⁵.

Одной из главных перспектив этнографического сбора было использование его результатов композиторами. В числе плодотворных итогов – премьера в дни пятилетия Татарского театра оперы и балета в июне 1944 г. танцевальной сюиты «Кичке уен» («Вечерние игры») А. Ключарева (балетмейстер Х. Тагиров), в которой автор задействовал свыше 20 татарских песен, записанных в Альметьевском и Сармановском районах⁶.

Экспедиции с дальнейшей обработкой материала проводились учебными заведениями. Например, в задачи Московской консерватории в период эвакуации входил сбор фольклора в Са-

Тузова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества. E-mail: ovtuzova@mail.ru

ратовской области. В мае 1942 г. на заседании партийного бюро Московской консерватории обсуждался вопрос об экспедициях с целью сбора русских народных песен, связанных с восстаниями Разина, Пугачева, боями отрядов Чапаева, по тематике Великой Отечественной войны; кроме того, планировалась запись песен украинцев, мордвы, чувашей, башкир, населявших Саратовскую область. До этого времени музыкальных записей было мало по причине привлечения главным образом филологов (Б.М. Соколов, Т.М. Акимова). Любопытно, что помимо этнографических изысканий кафедрой музыкального фольклора на местах проводилась пропагандистская работа⁷.

В числе субъектов этнографических исследований следует назвать концертные организации и Дома народного творчества. Например, за 1939-1940 гг. Немецкой государственной филармонией потрачено 60 тыс. руб. на собирание фольклора, несмотря на недостаточную его обработку. В 1941 г. планировалась экспедиция и форсирование переработки материала композиторами для комплектования репертуара национальных профильных институтов; реорганизация Ансамбля песни и пляски в немецкий национальный ансамбль с участием компетентных руководителей, исполнителей и композиторов. В некоторых случаях для изучения песенного фольклора, местных инструментов, костюмов и т.д. привлекали отдельных композиторов (например, Г.Г. Шмидера). В июле 1939 г. бригада из трех человек (Г.Г. Шмидер, А.А. Закс, педагог Немецкого педагогического института В. Клейн) собрала за 14 дней 90 песен, которые предполагалось издать в виде сборника. В феврале 1940 г. при Доме народного творчества Управления по делам искусств при СНК АССР немцев Поволжья для составления сборников фольклора (песни и проза) скомплектовали группу, в которую включили Г.Г. Шмидера, Б.К. Фриса из музучилища, доцента Московской консерватории С.Е. Максимова⁸.

В рамках Куйбышевской модели обрабатывался не только местный, но и инолокальный материал. Например, А. Эйхенвальд представил на творческом вечере в ноябре 1943 г. произведения из восточного фольклора, накопленного в течение многих лет. Рецензент дал положительный отзыв: «Точно передавая оригинальные народные мелодии, композитор вместе с тем обогатил их своей яркой творческой индивидуальностью. Исполненные автором «Туркменские картинки» поражают богатой музыкальностью. С большим чувством, красивым восточным звуком, с подлинным техническим мастерством исполнил восточные песни на скрипке солист оперы Г.А. Брагарник»⁹.

Конкурсные мероприятия стимулировали введение в репертуар фольклорных мелодий. В рамках подготовки Саратовской областной филармонии в мае 1944 г. к Всесоюзному смотру исполнителей русской народной песни приобрели 5 песен в обработке композитора В. Волкова; А. Котилко обработал 3 песни, в том числе «Грушица ты моя», записанную в 1939 г. в с. Кордалы Саратовской области у колхозницы Лихачевой художественным руководителем Волжского ансамбля И.Ф. Коваленко¹⁰. В декабре 1944 г. по инициативе областного отдела по делам искусств в Куйбышевском округе проводили конкурс на создание лучшего сочинения для оркестра на волжские темы, нашедшие «отражение в немногих произведениях конца XIX-начала XX столетий». А.А. Эйхенвальд, получивший первую премию, написал увертюру на темы трех бурлацких песен. Большой интерес, по мнению рецензента С. Кроль, представляла увертюра-фантазия А.В. Фере на темы волжских песен из записей Балакирева (I-я премия): «Это первое крупное произведение серьезного, вдумчивого музыканта привлекает глубиной и логической законченностью музыкальной мысли, своеобразием гармонического рисунка», и «Волжская фантазия» И.Ф. Лысенко (III-я премия) для духового оркестра – «образное соединение песен о Волге»¹¹.

Прикладные аспекты музыкознания, в том числе касавшиеся распространения, пропаганды, популяризации и т.д., были тесно связаны и с эмпирическими исследованиями. Казанским кабинетом издавались и материалы, накопленные музыкантами вне рамок организованной деятельности. Например, в 1939 г. составили сборник из 60 песен, отложившихся для концертной практики в течение нескольких лет у заслуженной артистки Татарской АССР И. Рахманкуловой; популярный татарский скрипач М. Юсупов представил 30 инструментальных песен¹². Сборник «145 песен татарского народа» кабинет подготовил к печати в феврале 1941 г., в сентябре – на основе итогов экспедиций в 1941 г. в Западную Сибирь и в районы Татарии. Большое место отвели лучшим образцам советского татарского фольклора – песням о Красной армии, о Ленине, о Сталине, о колхозной деревне и др.¹³

В сборник «16 русских песен», выпущенный в сентябре 1944 г. Куйбышевским областным Домом народного творчества под редакцией З.А. Феоктистова, вошли русские народные песни, пользовавшиеся популярностью («Вот мчится тройка почтовая», «Раскинулось море широко», «Ах ты, степь широкая» и др.), внимание уделили также песне о Волге («Далеко, далеко степь за Волгу ушла», «Есть на Волге село», «Вниз по Волге-реке», «Жигули»). В этом сборнике, офор-

мленном известным театральным художником В.В. Соколовым, напечатали песни, записанные в Богатовском районе Куйбышевской области и обработанные А. Пейсиным: «Как под той под вербою», шуточно-плясовая «Как во городе во Казани». Фольклорный материал представлен также в «Саратовских переборах» и в «Волжской запевке»¹⁴.

Тематика музыковедческих изысканий в Поволжье в 1939-1945 гг. была разнообразной. В 1941 г. в Татгосиздата вышел из печати первый научно-исследовательский труд по татарскому музыкальному фольклору под редакцией А. Ключарева. Из теоретических работ наибольшего внимания удостоился труд Х. Булатовой-Терегуловой «Очерк по истории татарской музыки» и Ю.В. Виноградова «Исследование оперы «Алтын-Чеч» Н. Жиганова»¹⁵. Кроме того, Ю. Виноградов совместно Х. Булатовой-Терегуловой (исполнявшей обязанности старшего научного сотрудника Дома-музея П.И. Чайковского в Клину) работали в мае-июне 1945 г. над брошюрой «Татарская музыкальная культура за 25 лет», посвященной юбилею республики¹⁶.

Увеличение численности музыковедов в Поволжье связано с эвакуацией главным образом в Куйбышев и Саратов. В региональных моделях компонент был выражен, как правило, очень слабо. Музыковеды и композиторы представляли собой своеобразную профессиональную «элиту», что обуславливалось и спецификой профессии, и малочисленностью ее представителей, которые кооперировались в рамках Союза советских композиторов. Например, из 13 членов образованного в 1939 г. Татарского отделения Союза советских композиторов непосредственно к музыковедению имели отношение четверо: А.С. Ключарев (композитор, директор кабинета фольклора при Управлении по делам искусств), В.И. Виноградов (композитор, научный сотрудник кабинета фольклора, член секции научных работников при ЦК Рабис), теоретик-композитор А.Ф. Бормусов, музыковед Х. Булатова-Терегулова¹⁷. В Куйбышевской модели в составе созданного в 1941 г. отделения Союза советских композиторов работали С.И. Шлифштейн, Д.А. Рабинович, А.С. Оголевец, К.М. Щедрин, Г. Коган, зарубежные теоретики – профессор Зд. Неядлы (Чехословакия), Ф. Сабо (Венгрия). Известно, что на первой «музыкальной среде» в декабре 1941 г. состоялось прослушивание трех частей Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича в фортепианном исполнении автора с последующим обсуждением, в котором участвовали Зд. Неядлы, Ф. Сабо, куйбышевский композитор В.Н. Денбский и др. Установлено, что на заседаниях отделения рассматрива-

ли доклады теоретического плана: в январе 1943 г. обсуждали последнюю работу А.С. Оголевца «Современное музыкальное мышление» (25 авторских листов), написанную по заданию английского издательства «Оксфорд-пресс». Это был второй труд, созданный Алексеем Степановичем в Куйбышеве (первый – «Логика тонально-ладового мышления» в объеме 50 авторских листов). Доклад вызвал оживленный обмен мнениями. Выступившие деятели искусства отметили высокий уровень научной мысли в труде и высказали убеждение, что его опубликование явится большим событием прогрессивно-международного значения, показывая наряду с тем исключительную стойкость советской культуры, движущейся к новым высотам, несмотря на трудные условия, переживаемые Родиной¹⁸. В числе куйбышевских музыковедов следует назвать М.Н. Тейха, А.В. Фере. В конце войны возобновляются командировки столичных специалистов в Поволжье. Большой резонанс в музыкально-педагогических кругах вызвал визит известного пианиста, доктора искусствоведения, профессора Г.М. Когана. Он провел в дни зимних каникул 1944/45 уч. года несколько лекций и закрытый концерт для музыкально-образовательных учреждений Куйбышева¹⁹. Выдающийся музыковед С.Е. Максимов проводил не только исследовательскую, но и просветительскую деятельность: в ноябре 1939 г. диссертанта пригласили для доклада «Музыкальная культура немцев Поволжья», который посетили 100 человек. В местной газете «Большевик» напечатали статью, представлявшую краткое содержание его диссертации на соискание степени кандидата искусствоведческих наук (защищена в Московской консерватории). Летом 1941 г. С.Е. Максимов проявил инициативу в продолжении изысканий в Энгельсе²⁰.

Научный музыкальный мир не только обогащался новыми учеными в исследуемый период на территории Поволжья, но и нес невосполнимые потери. Так, 26 ноября 1942 г. в возрасте 65 лет скончался профессор Московской консерватории, доктор искусствоведческих наук Б.Л. Яворский. Как указывалось в некрологе, «имя Б.Л. Яворского уже при его жизни вошло в ряд тех имен, которыми гордится вся история русской и мировой музыкальной культуры. Созданная им теория музыкального мышления охватила все области музыкального творчества, исполнительства, науки, явившись значительнейшей вехой в развитии музыкознания... Несмотря на болезнь, Б.Л. Яворский до последнего момента не прекращал своей работы. Совсем еще недавно педагоги и студенты консерватории на ряде собраний с восхищением прослушали новый

научный труд Яворского, посвященный характеристике творческого музыкального мышления русских композиторов за последние сто лет и написанный целиком в Саратове». Некролог известного ученого подписали Храпченко, Солодовников, Глазунов, Шостакович, Мясковский, Хачатурян, Белый, Кабалевский, Мурадели, Шебалин и мн. др.²¹

Недостаток музыковедов в РСФСР ограничивал развитие лекционной работы в филармониях: вступительные слова к концертам и лекциям, по данным на 1939 г., читали всего 24 человека, из них только 2 – со специальным образованием. Кадровая проблема сопровождалась и усугублялась отсутствием необходимых бытовых условий. В частности, в Главном Управлении учебных заведений к февралю 1943 г. сконцентрировались сведения о чрезвычайно тяжелых условиях жизни в Саратове некоторых профессоров (Г.М. Коган, В.Э. Ферман, Т.Н. Ливанова), а также о полном срыве занятий из-за холода. В результате преподаватели либо уезжали из Саратова (музыковед, историк музыки В.Ю. Дельсон), либо ютились после временного размещения в учебном здании в арендованных квартирах за весьма высокую оплату (профессор В.Ф. Туровская, А.П. Шапов)²². Любопытно, что И. Рыжкин одной из причин безвременной кончины Б.Л. Яворского, ставшей критической точкой в нестабильном положении консерваторских музыковедов, назвал отклонение ходатайства руководства вуза о реэвакуации ученого в Москву, в «намного лучшие условия жизни в собственной квартире»²³. Среди проблем, остававшихся актуальными для Татарского отделения Союза советских композиторов до конца 1945 г., – дефицит музыкальных критиков²⁴. В Ульяновск в распоряжение областного отдела по делам искусств в конце марта 1943 г. командировали с семьей музыковеда-консультанта Свердловской консерватории С.И. Рубина для использования в качестве художественного руководителя концертного бюро²⁵. При этом отметим, что не все работали в военный период по специальности: например, А.С. Ляпунова, дочь известного композитора С.М. Ляпунова, выпускница историко-теоретического факультета Ленинградской консерватории, была главным библиотекарем в эвакуированной в Мелекес государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина²⁶.

Подготовка профессиональных музыковедов в Поволжье проводилась в стенах Саратовской (теоретико-композиторская кафедра) и эвакуированной Московской консерваторий (историко-теоретический факультет)²⁷, музыкальных училищ. Одним из базовых признаков высшего учебного заведения является научно-исследова-

тельская работа. По имеющимся в плане на 1943/1944 уч. год сведениям, написанием диссертаций занимались 8 преподавателей Саратовской консерватории: Е.М. Зингер («Скрябин-пианист»), М.К. Михайлов («А.К. Лядов – жизнь и творчество»), И.Д. Тулупников («Напевы народных песен в качестве источника познания исторического прошлого народа»), Я.К. Евдокимов («Метод анализа партитур»), А.А. Тютманов («Особенности ладогармонического языка Н.А. Римского-Корсакова»), В.Н. Бурлаков («Вибрация и ее роль в звучании виолончели»), В.К. Бездельев («Опыт рационализации аппликатуры на контрабасе»), М.П. Томашевский («Воспитание певца-актера»). Любопытно, что сроки работы над диссертациями варьировались: практически все предполагалось завершить в 1944 г., как начатые в 1940-м, так и в 1941 и 1943 гг. Однако, по информации за 1945 г., за исключением незаконченных работ доцента М.К. Михайлова о А.К. Лядове (Михаил Кесаревич защитил диссертацию только в 1954 г., но уже в стенах Ленинградской консерватории, и издал книгу о Лядове в 1961 г.) и доцента М.П. Томашевского (сына священника, репрессированного в 1935 г. и высланного из Ленинграда с запретом проживать в 15 городах) «Подготовка певца-актера», ничего значительного не происходило. В ряду причин, тормозивших научно-исследовательскую работу, в 1943-1944 уч. году назывались: недостаточные ассигнования, в том числе на командировки, отсутствие в библиотеке необходимой литературы по целому ряду тем, дефицит писчей и нотной бумаги²⁸.

В Поволжском регионе впервые в его истории организовывали процедуры защиты кандидатских диссертаций на соискание степени кандидата искусствоведческих наук в период эвакуации столичной консерватории. Так, по информации газеты «Коммунист», в Московской консерватории в октябре 1942 г. в помещении Малого зала проведена защита диссертации ассистента А.Д. Готлиба «Основы техники транскрипции для двух фортепиано», а 14 декабря 1942 г. – преподавателя военного факультета Б.Т. Кожевникова по теме «Малый смешанный духовой оркестр»²⁹. Некоторые труды были приостановлены. Например, работа профессора И.Я. Рыжкина по структуре одночастных композиций, предполагаемая к защите осенью 1941 г., была отложена по причине его эвакуации в Саратов в качестве заведующего кафедрой истории и теории музыки военного факультета Московской консерватории³⁰.

Развитие музыкального просвещения являлось частью государственной культурной политики. На совещании начальников отделов ис-

кустств, проведенном в 1939 г., была поставлена задача развития музыкального просвещения путем выпуска популярных брошюр и листовок монографического характера и аннотированных программ к отдельным концертам, организаций фотовыставок к наиболее важным событиям в музыкальной жизни (исполнение крупного произведения, юбилей композитора и т.д.) и проч.³¹ В 1939 г. Казанский кабинет музыкального фольклора приступил к систематическим концертам-лекциям по радио на татарском и русском языках³².

В рамках Московской консерватории усилиями Н.Я. Брюсовой и И. Рыжкина в ноябре 1941 г. был создан лекторий, одна из апробированных форм прикладной музыковедческой деятельности³³. В его лекциях-концертах выступали Н.Я. Брюсова, А.М. Веприк, И.И. Дубовский, Г.М. Коган, Т.Н. Ливанова, Г.И. Литинский, А.А. Николаев, С.С. Скребков, В.Э. Ферман, Б.Л. Яворский³⁴. В феврале 1942 г. работал лекторий для школьников с концертами по темам «Сказка в музыке» и «Отечественная война в музыке». В его программе – лекция с музыкальными иллюстрациями, посвященная творчеству П.И. Чайковского (И. Мартынов); «Образы Шекспира в музыке» с иллюстрациями произведений Верди, Мендельсона, Гуно и Чайковского (доцент Б. Левик), «Могучая кучка» (доцент Ю. Келдыш). Любопытной формой стали в июне 1942 г. открытые прения по циклу докладов профессора Московской консерватории Г.М. Когана на тему «Основы русской школы исполнительского искусства»³⁵.

Среди мероприятий, нацеленных на просветительство и популяризацию музыки, – научная сессия. Например, Московская консерватория проводила весной или летом 1942 г. научную сессию, сопровождавшуюся концертами, посвященную русской музыке XIX века. В ее задачи входила демонстрация значения русской классики для последующего развития искусства, ее связей с другими видами искусства, литературы, живописи, с современными задачами. Информацию музыковедческого характера также синтезировали с идеологической пропагандой, для чего привлекали кафедру Основ марксизма-ленинизма для участия с докладами или развернутыми выступлениями в прениях³⁶. Планировалось также проведение научной сессии в рамках широкомасштабного празднования на общегосударственном уровне 100-летия со дня рождения Н.А. Римского-Корсакова. Творчество композитора рассматривалось авторами докладов в разных аспектах: «Римский-Корсаков как русский партист» (И.Д. Тулупников), основы оркестровки композитора (Я.К. Евдокимов), «Царская невеста» (М.К. Михайлов), особенность ладогармонического языка (И.А. Тютманов)³⁷.

Замечательным событием в контексте военного времени стала сессия, посвященная XXIV-й годовщине Красной Армии, проведенная Московской консерваторией в Саратове в марте 1942 г. и имевшая целью «способствовать перестройке всей научно-исследовательской музыкальной работы на оборонные военные нужды». На сессии заслушали доклады о музыкальной жизни Красной армии, об отражении оборонной тематики в советской симфонической музыке, в опере, массовой песне, в народном творчестве. Среди заявленных также доклады о формах музыкальной работы в Красной Армии, об отражении темы «Красная армия» в творчестве советских композиторов, о военных духовых оркестрах, красноармейских ансамблях песни и пляски и художественной самодеятельности и проч. На сессии выступали крупные специалисты – профессора Рыжский, Орвид, Резник, Кулаковский, Мартынов, Соколов и преподаватели – Кожевников, Нестьев, Ярустовский, Гольдфеде. В заключение состоялись 2 концерта из новых произведений профессоров и студентов консерватории, посвященных обороне страны. Работа сессии подразумевала секции: «Боевая патриотическая песня»; «Исторические корни красноармейской песни»; «Музыкальный быт Красной Армии», «Красноармейские ансамбли песни и пляски», «Красная Армия в народном творчестве», «Опыт военно-шефской работы». Темы и тезисы докладов проходили согласование с Саратовским обкомом ВКП(б)³⁸. Кроме того, Саратовской консерваторией проводились тематические сессии: «Русская музыкальная культура», «25 лет советской музыкальной культуры»; научно-методическая сессия по вопросам массового музыкального воспитания и др. Основным ориентиром для всех кафедр консерватории было изучение и пропаганда русской музыкальной культуры³⁹. Состоялись также циклы лекций доктора искусствоведческих наук профессора Г.М. Когана на тему «Русские исполнительские фортепианные школы» и доктора искусствоведческих наук профессора Б.Л. Яворского на тему «Творческое мышление русских композиторов от Глинки до Скрябина»⁴⁰.

Историко-теоретическая кафедра Саратовской консерватории организовала ряд докладов в консерватории и вне ее, посвященных наследию П.И. Чайковского в связи с 50-летием со дня его смерти, подготовку к проведению юбилейной научной сессии в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Н.А. Римского-Корсакова. В 1944 г. предполагалась активизация участия историко-теоретической кафедры в культурной жизни города в форме работы в просмотрных комиссиях театра оперы и балета, в жюри кон-

курсов и смотров художественной самодеятельности, в виде выступлений в местной печати с рецензиями об оперных постановках, концертах и т.д.⁴¹

Таким образом, в 1939-1945 гг. для состояния музыковедения в Поволжье характерно продолжение процесса его институализации, усиление кадрового состава в результате эвакуационных процессов на фоне проблемы дефицита специалистов на государственном уровне, осуществление эмпирических изысканий, приостановка фундаментальных исследований в сочетании с одновременным усилением прикладных аспектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф.2075. Оп.9. Д.11. Л.49.
- ² Центральный государственный архив историко-политических дисциплин Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф.1029. Оп.1. Д.12. Л.1-1об.
- ³ Красная Татария. 1942. 8 февраля.
- ⁴ Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (далее – ГУСО ЦГАСО). Ф. Р-4350. Оп.1. Д.6. Л.8.
- ⁵ Волжская коммуна. 1944. 22 февраля.
- ⁶ Красная Татария. 1944. 17 июня.
- ⁷ Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Самарской области» (далее – ОГУ ГАНИСО). Ф.1753. Оп.1. Д.33. Л.39; Д.36. Л.19.
- ⁸ Областное государственное учреждение «Государственный исторический архив немцев Поволжья» (далее – ОГУ ГИАИП). Ф.1044. Оп.1. Д.19. Л.22; Ф.1047. Оп.1о/д. Д.142. Л.48, 49; Д.161. Л.22, 26; Д.184. Л.84.
- ⁹ Волжская коммуна. 1943. 19 ноября.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф.2075. Оп.9. Д.52. Л.32.
- ¹¹ Волжская коммуна. 1944. 31 декабря.
- ¹² ЦГА ИПД РТ. Ф.1029. Оп.1. Д.12. Л.1-1об.
- ¹³ Красная Татария. 1941. 23 сентября.
- ¹⁴ Волжская коммуна. 1944. 17 сентября.

- ¹⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-7057. Оп.1. Д.3. Л.2, 3, 17; Ф. Р-7957. Оп.1. Д.3. Л.1-3.
- ¹⁶ Красная Татария. 1945. 3 июня.
- ¹⁷ НАРТ. Ф. Р-7057. Оп.1. Д.1. Л.1.
- ¹⁸ Волжская коммуна. 1941. 16 декабря; 1943. 14 января.
- ¹⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-3437. Оп.1. Д.16. Л.85; Волжская коммуна. 1945. 13 января.
- ²⁰ ОГУ ГИАИП. Ф.1047. Оп.1о/д. Д.161. Л.26; Д.196. Л.6; Большевик. 1940. 18 апреля.
- ²¹ Коммунист. 1942. 29 ноября.
- ²² РГАЛИ. Ф.962. Оп.4. Д.833. Л.87, 91, 91об.; Ф.2075. Оп.1. Д.33. Л.16; Оп.5. Д.63. Л.150об.; Областное государственное учреждение «Государственный архив Самарской области» (далее – ОГУ ГАСО). Ф.2865. Оп.1. Д.12. Л.3.
- ²³ Рьжскин И. Московская консерватория в начале войны // Музыкальная академия. 2005. №2. С.10-14.
- ²⁴ НАРТ. Ф. Р-7057. Оп.1. Д.3. Л.3.
- ²⁵ Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Ульяновской области». Ф. Р-2176. Оп.1. Д.3. Л.71.
- ²⁶ Областное государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Ульяновской области». Ф.919. Оп.7. Д.181. Л.71.
- ²⁷ Коммунист. 1942. 20 июня.
- ²⁸ ОГУ ГАСО. Ф. Р-2330. Оп.1. Д.4. Л.1об., 2; РГАЛИ. Ф.2075. Оп.1. Д.173. Л.82; Оп.5. Д.1. Л.33.
- ²⁹ Коммунист. 1942. 20 сентября, 5 декабря.
- ³⁰ Рьжскин И. Указ. соч. С.11.
- ³¹ РГАЛИ. Ф.2075. Оп.9. Д.11. Л.44.
- ³² ЦГА ИПД РТ. Ф.1029. Оп.1. Д.12. Л.1-1об.
- ³³ ОГУ ГАНИСО. Ф.1753. Оп.1. Д.33. Л.39.
- ³⁴ Рьжскин И. Указ. соч. С.13.
- ³⁵ Коммунист. 1942. 20 июня, 14, 22 февраля.
- ³⁶ ОГУ ГАНИСО. Ф.1753. Оп.1. Д.36. Л.19об.
- ³⁷ ОГУ ГАСО. Ф. Р-2330. Оп.1. Д.4. Л.3.
- ³⁸ Коммунист. 1942. 13 марта; ОГУ ГАНИСО. Ф.594. Оп.1. Д.2868. Л.55.
- ³⁹ ОГУ ГАСО. Ф. Р-2330. Оп.1. Д.4. Л.1об.
- ⁴⁰ ОГУ ГАНИСО. Ф.1753. Оп.1. Д.39. Л.35.
- ⁴¹ ОГУ ГАСО. Ф. Р-2330. Оп.1. Д.4. Л.1об.

THE MUSICOLOGY POTENTIAL OF THE VOLGA REGION IN 1939-1945

© 2013 O.V. Tuzova

Samara State Technical University

In this article, on the example of models of musical and cultural system of the Volga region, the author discusses the status of musicology in the regional context during the World War II in 1939-1945.

Keywords: World War II, regional culture, musical and cultural system, musicology, music criticism, Ethnography, the Volga region.